

Е.Г. Гусар

«Баба» в зеркале русского менталитета

В начале века Ульянов-Ленин писал о том, что теперь в России существуют две культуры: «их» и «наша». От «их» осталось книжно-романтическое «рыцарь» – «дама» («мужчина» – «женщина»), сутью нашей же по сию пору является «мужик» – «баба».

В большинстве современных исследований, посвященных изучению культурной семантики и языковой картины мира [1, 3, 5, 6] в качестве одного из базовых концептов культуры выделяется концепт «женщина», в идеографическом поле которого в качестве родового наименования входит баба [5, с. 261].

Думается, что в случае «баба» – «женщина» речь идет о разных культурных моделях, и, как следствие, о разных идеографических полях.

Возможность описать культурно-национальную специфику концепта предоставляет метод лингвокультурологического анализа «фразеологического языка» концепта [1, с. 3] (фразеологизмов, образно мотивированных слов, сравнений).

Автором предлагается следующая схема лингвокультурологического анализа [5, с. 260–261]:

Первый этап. Построение видовых рядов идеографического поля. Необходимость этой операции обусловлена тем, что «содержание базовых концептов культуры всегда объемнее, нежели концептуальное же содержание одноименной языковой сущности: их осознание как бы «растягивается» по всему идеографическому полю» [5, с. 260].

Второй этап. Определение производных (культурно маркированных) значений наименования баба.

Третий этап. Выделение идеографических параметров и таксономических сеток внутри каждого параметра. Идеографическая параметризация является результатом полного и подробного анализа «фразеологического языка» концепта и позволяет описать «отраженные в зеркале фразеологии характерные для обыденного русского менталитета воззрения на женщину, преимущественно те, которые связаны с физиологическими и интеллектуальными ее свойствами» [5, с. 263].

Тематическое поле «баба» складывается из видовых обозначений, которые включают

характеристику по возрасту (девочка, девка, баба, бабка и т.п.), по семейному статусу (баба, жена, теща, невестка и т.п.), по типу родственных отношений (мать, дочь, баба, бабушка, внучка и т.п.), по сексуальному аспекту (баба, бабец, бабенка, бабень, бабища, бабнища, бабно – данные дериваты являются сниженными), по социально-семейному статусу (баба, вдова, баба, жена крестьянина, докторша, жена доктора и т.п.), по принадлежности к социальным слоям (баба, простолюдинка, аристократка и под.), по принадлежности к «чужому миру» (Баба-Яга, ведьма, русалка и проч.).

Как видно из представленных рядов, первоначальное значение наименования баба, замужняя крестьянка, устаревшее со сменой социальных формаций, развилось в ряд производных, вторично-номинативных значений:

1. Простая, необразованная женщина;
2. Жена или сожительница кого-либо (оценочное);
3. Женщина вообще (пренебрежительное);
4. Слабый мужчина (презрительное);
5. Бабушка (умалительное или ласкательное).

Следует отметить, что данные значения приводятся не только в современных словарях, но и в словаре В. Даля. Этот же источник фиксирует дериваты бабища, бабнища, бабно, женщина большая, плотная, неуклюжая или дурная собой; злая, наглая, бранчливая с пометой «бранно».

Баба в значениях «женщина низшего сословия, простая, необразованная», «жена человека низшего сословия» встречается в тридцати семи фразеологизмах [3].

Один из 37 фразеологизмов (а именно У БАБЫ ВОЛОС ДОЛОГ, ДА УМ КОРОТОК) позволяет выделить параметр «внешность». Баба, по представлению русского человека, длинноволоса (У БАБЫ ВОЛОС ДОЛОГ, ДА УМ КОРОТОК), но при этом покрыта платком, в рубаше, с опояской (БАБА-ЯГА: ПРОСТОВОЛОСАЯ, В ОДНОЙ РУБАХЕ, БЕЗ ОПЯСКИ – И ТО И ДРУГОЕ – ВЕРХ БЕСЧИНИЯ).

Автор отдает себе отчет в том, что данное представление характерно для определенной

эпохи и на сегодняшний день безнадежно устарело, баба же нынешняя ‚простая, грубая‘ по мнению участников эксперимента (25 человек), в ходе которого задавался вопрос КАК ВЫГЛЯДИТ БАБА, наделена неистребимым перманентом, с зубами желтого или белого металла и одевается с базара. Данные характеристики не воплотились во фразеологизмы нового времени, возможно, по причине их (т.е. фразеологизмов) отсутствия, а возможно и потому, что «натуральные» признаки, такие как возраст, рост, вес, цвет лица, не актуальны для русского национального мировидения. В рамках параметра «внешность» концепта «баба» описывается только возраст (БАБИЙ ВЕК – 40 ЛЕТ. 45 – БАБА ЯГОДКА ОПЯТЬ). Но в первом случае, скорее, подчеркивается кратковременность социальной и сексуальной востребованности бабы, а во втором (45 – БАБА ЯГОДКА ОПЯТЬ) – явное проявление «гастрономических интересов» «мужика», в лучшем случае видящего в «бабе» усладу, присмак (В САМОМ СОКУ, В ПРЫСКУ).

Хотя что касается концепта «женщина», воплощающего коллективные идеальные представления о женщине-праведнице, то параметр «внешность» складывается из нескольких клише: лицо должно быть БЕЛО, РУМЯНО; брови – ЧЕРНА СОБОЛЯ; глаза – СЛОВНО ЗВЕЗДЫ, ЯСНА СОКОЛА; осанка – ЛЕБЕДИНАЯ; походка – ПАВИНАЯ.

Баба не наделена красотой (ДЕВКА КРАСНА ДО ЗАМУЖЕСТВА), потому что в ее социальном и возрастном состоянии красота внешняя есть проявление красоты внутренней. Следует заметить, что изучение концепта «красота» может стать предметом отдельного исследования. В наивной языковой картине мира идея красоты – представление о физическом цветущем здоровье (ГДЕ ЗДОРОВЬЕ, ТАМ И КРАСОТА). Старина не только не уважала бледной и изнеженной красоты, но почитала и ту и другую болезненным состоянием здоровья или же относила эти болезненные, по ее понятиям, признаки прямо к худому поведению, к разврату, которому самое имя выводило из одного корня со словом «блдный» [8, с. 99].

Баба же зора (ВСЕ ДЕВКИ КРАСНЫ, ВСЕ ДЕВКИ ХОРОШИ, А ОТКОЛЬ БЕРУТСЯ ЗЛЫЕ ЖЕНЫ?), что резко осуждается в русском обыденном самосознании (ЗЛОГО ЛЮБИТЬ – СЕБЯ ГУБИТЬ, ЗЛОЙ СОБАКЕ МНОГО НАДО; ЗЛОЙ ЧЕЛОВЕК КАК УГОЛЬ: ЕСЛИ НЕ ЖЖЕТ, ТО ЧЕРНИТ; ЗЛОЙ ЧЕЛОВЕК НЕ ПРОЖИВЕТ ДОБРОМ ВЕК; ЗЛОЙ

ЧЕЛОВЕК У КОГО ЕСТЬ ДА ПЬЕТ, С ТОГО ГОЛОВУ РВЕТ), лукава (ЛУКАВОЙ БАБЫ И В СТУПЕ НЕ УТОЛЧЕШЬ), пособничает черту (ГДЕ ЧЕРТ НЕ СЛАДИТ, ТУДА БАБУ ПОШЛЕТ).

В образном содержании фразеологизмов воспроизводится преобладающее в русском обыденном менталитете представление о бабе как о существе нечистом (БОЛЬШУХА НАД ВЕДЬМАМИ, ПОДРУЧНИЦА САТАНЫ НОСИТ ИМЯ БАБА-ЯГА), нарушающем каноны нравственно-этического поведения (БАЗАРНАЯ БАБА). Во фразеологизмах ЛУКАВОЙ БАБЫ В СТУПЕ НЕ УТОЛЧЕШЬ, ПУСТИ БАБУ В РАЙ, А ОНА И КОРОВУ ЗА СОБОЙ ВЕДЕТ, ГДЕ ЧЕРТ НЕ СЛАДИТ, ТУДА БАБУ ПОШЛЕТ узнаваема установка христианского миропонимания, согласно которому женщина – сосуд скудельный (СКУДЕЛЬНЫЙ – (Оуфсьчйнпт) глиняный, хрупкий, слабый, бранный (2 Кор. 4, 7), средоточие греха, соблазн мира).

В христианизированной русской культуре утвердился стереотип женщины-домоседки. Принесенные к нам литературные, аскетические восточные представления, чуждые нашей северной природе, способствовали отдалению женщины от общества как помехи для нравственных дел мужчины. Согласно библейским воззрениям женщина уже сама по себе являла образ соблазнительного греха, от которого надо было бежать. Красота лица и красота наряда являлись для аскетических умов самыми вопиющими предметами соблазна и греха.

Вместе с этими представлениями из Византии на Русь была перенесена «теремная культура»: появление терема было воплощением благочестивых воззрений на женщину как на соблазн мира. Эта культура «делала женщину принадлежностью только домашнего мира, во главе которого стоял муж – глава семейства, что было узаконено «Домостроем» [4, с. 55–58]. Это отразилось в наивной картине мира в ряде русских пословиц (МУЖИК ДА СОБАКА ВСЕГДА НА ДВОРЕ, А БАБА ДА КОШКА – В ИЗБЕ; БЕЗ ЖЕНЫ, БЕЗ КОШКИ, А БЕЗ МУЖА, БЕЗ СОБАКИ; ДЕРЖИ ДЕВКУ В ТЕСНОТЕ, А ДЕНЬГИ – В ТЕМНОТЕ; СИДИ, ДЕВИЦА ЗА ТРЕМЯ ПОРОГАМИ, ЗАПОРАМИ; В КЛЕТКАХ ПТИЦЫ, А В ТЕРЕМАХ ДЕВИЦЫ; СИДИТ ДЕВИЦА В ТЕМНОЙ ТЕМНИЦЕ, А КОСА НА УЛИЦЕ; В ЛЕСУ ПТИЦЫ, В ТЕРЕМЕ ДЕВИЦЫ, А СТАРЫЕ БАБЫ У БРАЖКИ).

Если девушка, по народным представлениям, должна быть красивой (ДЕВКА КРАСНА

ДО ЗАМУЖЕСТВА; ВСЕ ДЕВУШКИ КРАСНЫ, ВСЕ ХОРОШИ, А ОТКУДА БЕРУТСЯ ЗЛЫЕ ЖЕНЫ; ХОРОША ДЕВКА, НЕ ХОРОША СЛАВКА), то замужней женщине следует забыть о привлекательности (С ЛИЦА ВОДУ НЕ ПИТЬ, УМЕЛА БЫ ПИРОГИ ПЕЧЬ; НЕ НАРЯД ЖЕНУ КРАСИТ – ДОМОСТРОЙСТВО; ХОРОШАЯ НЕВЕСТА – ХУДАЯ ЖЕНА; ХОРОШАЯ, КРАСИВАЯ ЖЕНА – ЛИШНЯЯ СУХОТА; НЕ ХВАЛИ ЖЕНУ ТЕЛОМ, А ХВАЛИ ДЕЛОМ): она затворница, домоседка и прежде всего хозяйка (ДОБРАЯ ЖЕНА ДОМ СБЕРЕЖЕТ, А ХУДАЯ РУКАВОМ РАСТРЯСЕТ; ДЕВКОЮ ПОЛНА УЛИЦА, ЖЕНОЮ ПОЛНА ПЕЧЬ – гулянье и хозяйство не совместимы, а печь – это символ и рачительной хозяйки – пироги в печи, и заботливой матери – дети на печи).

Итак, идеалом женского поведения, восходящим к установкам христианства, являются затворничество и хозяйственность.

«Баба» же в этой связи выступает извечным антигероем (МУЖИК ТОГО НЕ ВЫНОСИТ МЕШКОМ, ЧТО БАБА РАСТРЯСЕТ РУКАВОМ; БАБЫ УМЫ РАЗОРЯЮТ ДОМЫ). Баба глупа, баба – дура, вероятно потому что проявляет самостоятельность, вольность в суждениях и поступках, что воспринимается в народной культуре как нарушение нравственно-поведенческих канонов, установлений, чрезвычайно жестких для женщины (У БАБЫ ВОЛОС ДОЛОГ, ДА УМ КОРОТОК; БАБА С ПЕЧИ ЛЕТИТ – 77 ДУМ ПЕРЕДУМАЕТ; БАБЫ УМЫ РАЗОРЯЮТ ДОМЫ; БАБА ЧТО МЕШОК: ЧТО ПОЛОЖИШЬ, ТО И НЕСЕТ).

Приведенные пословицы как бы утверждают глупость в качестве природного свойства женщины (см. контрадикторность УМ – ВОЛОС). Сочетания баба-дура, глупая баба являются эталонными для женского ума.

Если исходить из положения, что концепт «баба» противопоставлен контрагенту – «мужик», то женский ум должен расцениваться как ущербный, «недомужской». Но материал русского языка показывает, что по многим концептуальным основаниям концепт «баба» оказывается противопоставлен не своему контрагенту (концепту «мужик»), а человеку как таковому [5, с. 267], либо вообще реалиям неодушевленного мира (КУРИЦА НЕ ПТИЦА, БАБА НЕ ЧЕЛОВЕК. БАБА ЧТО МЕШОК: ЧТО ПОЛОЖИЛ, ТО И НЕСЕТ. БАБА ЧТО ГОРШОК: ЧТО НИ ВЛЕЙ – ВСЕ КИПИТ).

Отсюда бабий (женский) ум противопоставляется мужицкому (мужскому) как ум недоче-

ловеческий. «Эталонным обозначением такого ума является фразеологизм куриные мозги, который приложим, однако, не к любому недуму, а обычно к уму куриному, неглубокому, каковым и считается женский ум» [5, с. 267] (ср. высказывание Конфуция «У обычной женщины ума что у курицы, у женщины необыкновенной ума что у двух куриц»).

Так как «баба» напрочь лишена интеллектуальных способностей, в голове ее постоянно царит сумбур разрозненных дум (БАБА С ПЕЧИ ЛЕТИТ, 77 ДУМ ПЕРЕДУМАЕТ), пустопорожня (БАБА ЧТО ГОРШОК: ЧТО НИ ВЛЕЙ – ВСЕ КИПИТ; БАБА ЧТО МЕШОК: ЧТО ПОЛОЖИШЬ, ТО И НЕСЕТ), лишена основательности в мыслях и поступках (СКАЧЕТ БАБА ЗАДОМ И ПЕРЕДОМ, А ДЕЛО ИДЕТ СВОИМ ЧЕРЕДОМ), то и управа на нее одна: БЕЙ БАБУ ЧТО МОЛОТОМ, СДЕЛАЕШЬ ЗОЛОТОМ. БЕЙ ЖЕНКУ К ОБЕДУ, А К УЖИНУ ОПЯТЬ, БЕЗ БОЯЗНИ ЗА СТОЛ НЕ СЯДЬ. БЕЙ ЖЕНУ ДО ДЕТЕЙ, А ДЕТЕЙ ДО ЛЮДЕЙ. Баба строптива (МОЛОДА ГОДАМИ ЖЕНА, ДА СТАРА НОРОВОМ; ЗЛАЯ ЖЕНА БИТАЯ БЕСИТСЯ, УКРОЩАЕМАЯ ВЫСИТСЯ, В БОГАТСТВЕ ЗАЗНАЕТСЯ, В УБОЖЕСТВЕ ДРУГИХ ОСУЖДАЕТ), сварлива, бранчлива (СОБАКА УМНЕЙ БАБЫ: НА ХОЗЯИНА НЕ ЛАЕТ; БАБА ЧТО ГОРШОК: ЧТО НИ ВЛЕЙ – ВСЕ КИПИТ; БАБА ЧТО ГЛИНЯНЫЙ ГОРШОК: ВЫНЬ ИЗ ПЕЧИ, А ОН ПУЩЕ ШИПИТ).

Бабе определено свое, незначительное место, свой шесток, с коего она постоянно норовит прыгнуть (СКАЧЕТ БАБА ЗАДОМ И ПЕРЕДОМ, А ДЕЛО ИДЕТ СВОИМ ЧЕРЕДОМ; ЗНАЙ БАБА СВОЕ ВЕРЕТЕНО). Социальная незначимость бабы отражена во фразеологизмах типа: НЕ ПЕТЬ КУРИЦЕ ПЕТУХОМ, НЕ БЫТЬ БАБЕ МУЖИКОМ; СЕРДИЛАСЬ БАБА НА ТОРГ, А ТОРГ ТОГО И НЕ ВЕДАЛ.

Для русского, прежде всего «мужицкого» менталитета характерен взгляд на женщину как на «не человека», «недочеловека». Отсюда и проявленное во фразеологизмах пренебрежение, недоверие и отказ в сострадании (НЕ ПЕТЬ КУРИЦЕ ПЕТУХОМ, НЕ БЫТЬ БАБЕ МУЖИКОМ. БАБА БРЕДИТ, ДА КТО ЕЙ ВЕРИТ. БАБА ПЛАЧЕТ – СВОЙ НРАВ ТЕШИТ. БАБЫ НЕМОЧИ ДОГАДКИ ЛЕЧАТ).

Столь же укоренены в обиходном сознании и воззрения на «женщину» как на существо изначально порочное, стремящееся к воле, нарушению канонов пристойного поведения, блуду и прелюбодеянию (БАБЕ ВОЛЮ ДАТЬ, НЕ УНЯТЬ. НЕ ВЕРЬ КОНЮ В ПОЛЕ,

А БАБЕ (ЖЕНЕ) В ВОЛЕ. НЕ ЗАКЛАДЫВАЙСЯ ЗА ОВИН, ЗА МЕРИНА ДА ЗА ЖЕНУ (БАБУ)! СГОРИТ, УБЬЕТ, СОГРЕШИТ. МУЖ НЕ ЗНАЕТ, ГДЕ ЖЕНА ГУЛЯЕТ. И ДУРА ЖЕНА МУЖУ ПРАВДЫ НЕ СКАЖЕТ).

Любопытно, что вольное сексуальное поведение, бесстыдство прозревается коллективным обыденным сознанием и в девке (**ДЕВИЧЬЯ ПАМЯТЬ, ДА ДЕВИЧИЙ СТЫД – ДО ПОРОГА, А ПЕРЕСТУПИЛА, ТАК И ЗАБЫЛА. ЛАКОМА ОВЦА ДО СОЛИ, КОЗА ДО ВОЛИ, А ДЕВУШКА К НОВОЙ ЛЮБВИ**). Хотя, как показывает фразеологический материал, «дева, девка, девушка» выступает по отношению к «бабе» нравственным контрагентом: девка обладает «смирением» и «терпением», кротким нравом, являющимся идеалом женского характера (**СМИРЕНИЕ – ДЕВИЧЬЕ ОЖЕРЕЛЬЕ. ДЕВИЧЬЕ ТЕРПЕНИЕ – ЖЕМЧУЖНО ОЖЕРЕЛЬЕ**).

Думается, что такое резко противоположное отношение к одному и тому же человеку в разные социально-семейные периоды – девке («всякая женщина до замужества своего», В. Даль) и бабе («замужняя женщина») – обусловлено религиозной основой русского мировоззрения. Христианство сформировало представление о двух типах женщины: «праведницы» и «грешницы». Первый тип (это представление идет от образа девы Марии) отличается целомудренностью, терпением, покоем. Она – идеал, и прежде всего идеал материнства для любого христианина. Тип «грешница» возник из библейского предания об Адаме и Еве. Ева – грешница, вечный соблазн для мужчины, символ падения.

Таким образом, в русской картине мира слились два взгляда на женщину: скудельница и богородица. Первый воплощен в народных представлениях и закрепился в обыденном национальном сознании, а второй – в литературе, философии (поиск идеала женщины, гармонии) [7, с. 73, 81, 95].

Три состояния пола, признаваемые христианской религией: семейные отношения, аскетизм, блуд – сузились в русском менталитете до греховного (полового, телесного) и нравственного (непорочного, чистого, целомудренного состояния). Посему «девка» (читай девственница) почитается за непорочность, за нравственную чистоту, свойственную девству, за сексуальное (половое, телесное) незнание (**О ДЕВКЕ ХУДА НЕ МОЛВИ. ЧТО ДЕВУШКА НЕ ЗНАЕТ, ТО ЕЕ И КРАСИТ. НЕ СМЕЙСЯ, БРАТЕЦ, ЧУЖОЙ СЕСТРИЦЕ: СВОЯ В ДЕВИЦАХ**), а баба умалывается

за связанную с ее статусом потерю невинности, греховную телесность, нечистоту.

В русской свадебной традиции существует образ прощания с «девичьей красотой», когда невесте расплетают косу и ленты раздариваются подругам. Действо символично: расставание с «девичьей красотой» – расставание с красотой нравственной (целомудрием), перевоплощение непорочной девственницы в скудельницу.

Традиционное для обыденного русского менталитета признание потери ценности обозначаемого наименования «баба» за счет смены социально-семейного статуса отразилось во фразеологизмах типа: **БАБА С ВОЗУ – КОБЫЛЕ ЛЕГЧЕ; НЕ ТУЖИ ПО БАБЕ: БОГ ДЕВКУ ДАСТ**.

Для мужского менталитета характерен взгляд на женщину «бабу» как на нечто безликое, неиндивидуальное, что может быть заменено в силу обстоятельств на подобное, способное выполнять определенные ему «Домостроем» функции, наделенное теми же недостатками, что и все Евино семя в силу изначальной порочности натуры. (**ВСЕ БАБЫ ОДИНАКОВЫ; ВСЕ БАБЫ ДУРЫ, А МУЖИКИ СВОЛОЧИ** – в приведенных сочетаниях «ОДИНАКОВЫ, ДУРЫ» не являются семантически связанными, но то, что они столь часто употребляются со словом баба, дает основание считать их культурно связанными в контексте русского мировидения).

Традиционен взгляд на бабу как на сплетницу, существо злое, болтливое (**ПРИЕХАЛА БАБА ИЗ ГОРОДА, ПРИВЕЗЛА ВЕСТЕЙ ТРИ КОРОБА. БАБА БРЕДИТ, ДА КТО ЕЙ ВЕРИТ?**).

Характерной для этого аспекта женского поведения является идиома «одна баба сказала» (ОДС).

Обобщить все сказанное уместно в «концептуальной анкете», показывающей, как отражается культурный концепт «баба» во фразеологических оборотах, узуально устойчивых сочетаниях, устойчивых сравнениях, ритуальных формах народной культуры.

ВНЕШНОСТЬ. Баба¹ жена человека низшего сословия' длинноволоса, непростоволоса, опоясана. Некрасива. Баба² 'простая, грубая, свойская женщина' с перманентом, с зубами белого или желтого металла, одевается с базара. Возраст: от возраста замужества до 40 лет, но на 45 приходится «бабье лето».

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА: здоровая, плотски притягательная, в соку, в прыску.

МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ КАЧЕСТВА: зла, строптива, сварливая, branчли-

ва, болтлива; лжива, лукава, пособничает черту; нечиста, порочна, блудлива, бесстыдна; вольнолюбива, нарушает каноны нравственно-этического поведения.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА: глупа, пустопорожня, лишена основательности в мыслях и поступках.

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ: плохая хозяйка, разорительница.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ: таковой не имеет – недочеловек.

Представленная «анкета» не может быть признана полной, так как для ее «заполнения» необходимы сравнительные исследования концептов «мужик»/»баба», «мужчина»/»женщина», рядов девка, баба, бабушка и им подобных, что является предметом отдельной монографической работы.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Тождество и подобие (замечки о взаимодействии концептов) // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1.
3. Wierzbicka A. Semantics Culture, and Cognition. N.Y., 1992.
4. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в 15 и 16 столетиях. Новосибирск, 1992.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
6. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М. 1996.
7. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия. М., 1995.
8. Пятянина О.В. Внешняя красота женщины в изображении А.С. Пушкина // ОмГУ. 1999. Вып. 2..